

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. П. БОЧАРОВА.

1843.

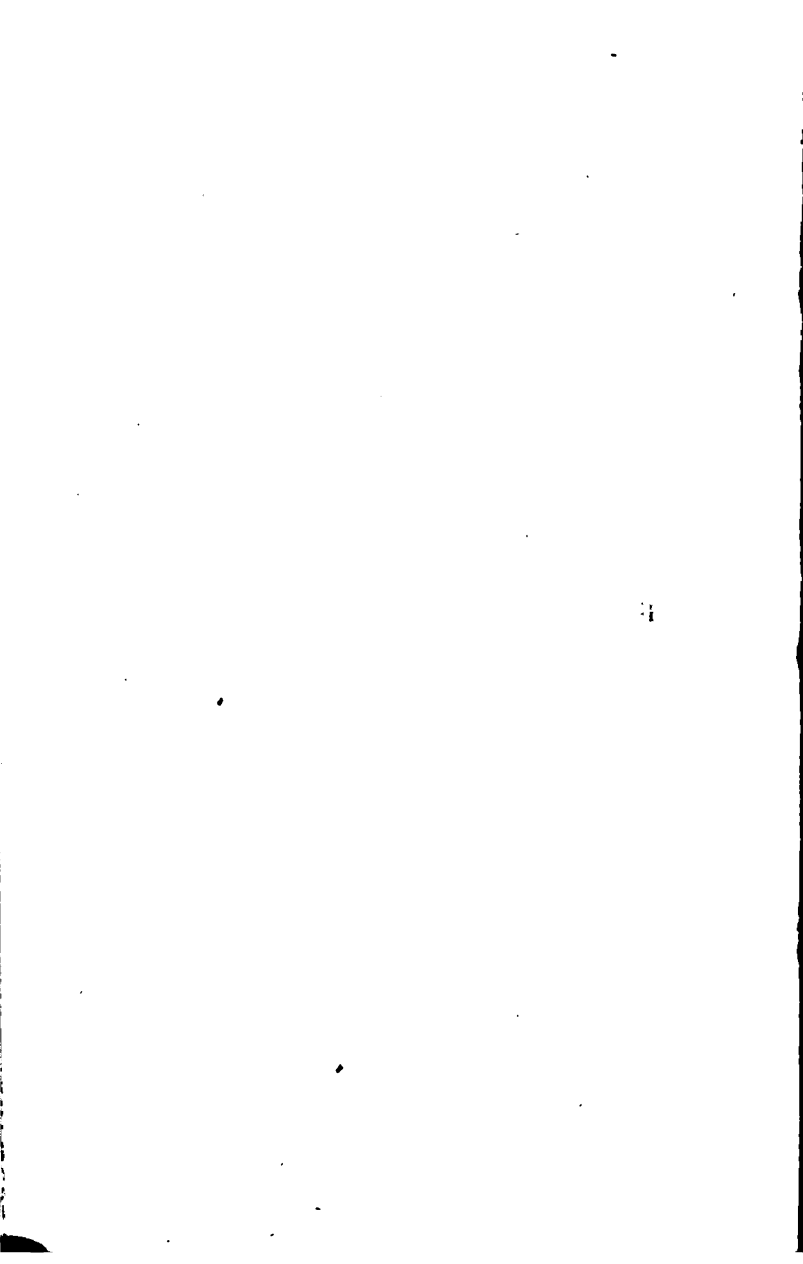
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземп-
ляровъ. С. Петербургъ. Сентября 25-го, 1843 года.

Ценсоръ А. О ч к и н ъ.

РАЗСКАЗЪ СИПАЯ.

(Авганистанъ).

РАЗСКАЗЪ СИПАЯ.

(АВГАНИСТАНЪ).

Въ знойный лѣтній полдень, въ Тегеранѣ, у консульскаго дома постучался человекъ, весь въ ранахъ, едва покрытый рубищемъ одежды, и въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ, ожидая, съ терпѣніемъ страдальца, пока отопрутъ дверь; но онъ не долго ждалъ, дверь отворилась и приняла странника подъ надежный, гостепріимный кровъ консульскаго дома. И только по истеченіи нѣкотораго времени, и только по обязанности, спросилъ почтенный консулъ объ имени

пришельца. «Я сипай, отвѣчалъ тотъ, чудомъ спасся отъ общаго истребленія индѣйско-британскаго войска въ Авганистанѣ и, проданный, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, въ отдаленныя провинціи, не могъ быть вырученъ своими соотечественниками. Предпочитая смерть вѣчному рабству, я рѣшился бѣжать,—и вотъ я передъ вами; но много, много тяжкихъ дней прошло, пока я достигъ до Тегерана.» И странникъ разсказалъ длинный рядъ лишеній, пытокъ, всякаго рода терзаній, которыя испыталъ онъ, частію раздѣляя участь несчастной арміи, частію во время своего рабства и бѣгства изъ плѣна. Я передамъ вамъ этотъ разсказъ. Вы видите, я поведу васъ опять путемъ мрачнымъ, заваленнымъ трупами людей и верблюдовъ : картина уже вамъ знакомая; что дѣлать! такова эта картина, и я не отступлю отъ истины. На востокѣ только и свѣтлаго, что небо.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ разсказу сипая, мы должны окинуть, хотя

быстрымъ взглядомъ ; мѣсто дѣйствія ; иначе этотъ разсказъ будетъ для насъ теменъ и непонятенъ.

Авганистанъ, или имперія Дураниевъ, какъ обыкновенно , хотя и не совсѣмъ правильно, его называютъ въ Европѣ , воздвигнутъ въ своемъ величїи и блескѣ Ахматъ-шахомъ въ половинѣ прошедшаго столѣтїя, и вмѣстѣ съ кончиной его уже частію утратилъ свое политическое значеніе, хотя еще и держался нѣсколько времени въ прежнихъ границахъ. Онъ касался на югѣ моря, обнимая провинцію Белуджистанъ , на сѣверѣ — Туркменскихъ степей; на западѣ далеко вторгался въ персидскія владѣнія; а на востокѣ простирался за Индъ, владѣя Кашемиромъ, справедливо названнымъ перломъ имперїи. Въ Авганистанѣ считалось до 20 милліоновъ жителей : народонаселеніе довольно малочисленное по пространству, но мощное по своему воинственному духу, который умѣлъ вдохнуть въ него Ахметъ-шахъ, и потому можно было безошибочно

*

назвать Авганистанъ сильнѣйшимъ государствомъ въ Азіи, не считая Британской Индіи. Преемники Ахметъ-шаха, Тимуръ, слабый, женоподобный, Земанъ, грубый и жестокий, Махмутъ и наконецъ Шуджа, игравшій такую жалкую роль почти въ теченіи цѣлаго послѣдняго полустолѣтія, приготовили Авганистанъ къ той страшной катастрофѣ, которая совершилась на нашихъ глазахъ.

Шахъ Шуджа-уль-мулькъ въ первый разъ потерялъ свое царство, — а онъ терялъ его часто, — въ 1809 году, на равнинахъ Нимли, очень скоро послѣ того, какъ британское посольство Эльфинстона воздало ему всѣ царственныя почести. Съ тѣхъ поръ шахъ Шуджа явилъ собою рѣдкій примѣръ несчастій. Какъ судьба не устала бичевать такъ долго одну и ту же жертву! То нищій скиталецъ, то наемный царь, безъ власти и безъ царства, побуждаемый совѣтами своей умной и смѣлой жены, или постороннею силой, Шуджа иногда порывался

къ отважнымъ подвигамъ, къ борьбѣ съ судьбой, но это былъ порывъ къ полету стараго лебеда, у котораго обрублены крылья. Изнеможенный, онъ падалъ. Все-го болѣе силы духа проявилъ онъ защищая свое сокровище, свой драгоценный алмазъ, когъ-и-норъ, гору свѣта, отъ алчности покойнаго магараджи Реджитъ-Синга.

Последнія событія, сопровождавшія смерть шаха Шуджи и совершенное истребленіе двадцати-тысячной индійско-британской арміи, всѣмъ извѣстны.

Героемъ Нимльской побѣды былъ Фетъ-ханъ, глава поколѣнія Барикзеевъ, самаго сильнаго по числу и нравственно-му вліянію въ Авганистанѣ. Жизнь его вновь, хотя не надолго, озарила славою Авганистанъ, а смерть повлекла за собою раздробленіе государства, которое было причиною торжества Англичанъ, и воз-становленія новой царствующей династіи въ лицѣ Достъ-Мухаммета, брата Фетъ-хана и соперника Англичанъ.

Надобно прежде пояснить, что Фетъ-ханъ, посадивъ на тронъ Махмута, брата шаха-Шуджи, самъ сталъ первымъ визиремъ и безусловнымъ распорядителемъ царства, предоставивъ распутному Махмуту одинъ титулъ и гаремъ. Авганистанъ отдохнулъ и окрѣпнулъ. Кашемиръ опять вступилъ въ его владѣнія. Фетъ-ханъ управлялъ Авганистаномъ очень благоразумно. Его упрекаютъ въ излишней жестокости : это правда, онъ не щадилъ крови ; но пужны были мѣры сильныя, чтобы прекратить возникавшіе повсюду раздоры и скрѣпить распадавшееся царство. Къ чести его должно также отнести то, что онъ съ презрѣніемъ отвергъ совѣты братьевъ своихъ, которые во время экспедиціи въ Кашемиръ вызывались убить Реджитъ—Синга, злѣйшаго врага его.

Фетъ-ханъ имѣлъ завистниковъ и враговъ , это было неизбежно, и въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Камранъ, старшій сынъ Махмута, который не разъ

убѣждалъ отца освободиться отъ власти
визиря и взять самому бразды правленія.
«Ты хочешь превратить меня въ лошака,
сказалъ ему однажды Махмутъ, и на-
вьючить всѣмъ бременемъ правленія. Ты
молодъ, мой сынъ!» Но совѣты прибли-
женныхъ къ нему наконецъ восторже-
ствовали. Слабый шахъ согласился на
погибель своего визиря. Камранъ захва-
тилъ его въ Гератѣ, выкололъ ему глаза,
и, радостный, привлекъ свою жертву къ
отцу (1818 года). Фетъ-ханъ былъ изтер-
занъ на части въ глазахъ Махмута, обя-
заннаго ему и царствомъ, и славою, и
своею безопасностію, которую онъ всего
болѣе цѣнилъ. Но передъ смертію визирь
явилъ рѣдкій примѣръ воли желѣзной и
непреклонной. Впродолженіе всей пы-
тки, онъ не переставалъ издѣваться надъ
своими палачами, осыпая ихъ насмѣшка-
ми и ругательствами, и непустилъ ни
одного стона, ни одной жалобы. Когда у
него отрубили правую руку, онъ съ твер-
достію произнесъ, обращаясь къ Махму-

ту: такъ отпадетъ отъ тебя Кабуль, такъ Пейшаверь, когда лѣвая рука отдѣлилась отъ туловища, и будешь проклять ты народомъ и потомствомъ.....

Местъ яростно закипѣла. — Возстали ^{государь} братья ^{начальники} казеннаго ^{замѣститель} Фетъ-хана, и его родственники, и все племя, и весь народъ, и закипѣла народная война со всѣмъ ужасомъ и опустошеніемъ: пророчество Фетъ-хана сбылось. Авганистанъ распался на части. Явилось индійско-британское войско.

Теперь намъ остается сказать нѣсколь-
ко словъ о томъ, въ какомъ положеніи
оно застало бывшую имперію Дураниевъ,
и въ какомъ оставило ее. Намъ собственно
до Англичанъ дѣла нѣтъ, и мы бы не
упомянули о нихъ, еслибы то могъ допу-
стить нашъ рассказъ. Не хотимъ знать,
зачѣмъ пришли они въ Авганистанъ!
Пусть ихъ пришли затѣмъ, чтобы воз-
становить законную династію, на тро-
нѣ, или чтобы обезпечить ^{требованіе} предпола-
гаемое ^{договоромъ} плаваніе по Инду или накопецъ

за тѣмъ , чтобы возстановить порядкъ въ странѣ, — пожалуй , я и этому вѣрю.

Городъ Кабулъ уже не составлялъ столицы огромной имперіи Дураниевъ. Владѣніе его ограничивалось только собственнымъ его округомъ и городомъ Гизни, впоследствии къ нему присоединенномъ. Въ немъ сидѣлъ и властвовалъ (съ 1826 года) братъ Фетъ-хана, Достъ-Мухамметъ-ханъ, сильнѣйшій между всеми владѣтелями, составлявшими по родству какъ-бы одну конфедерацію въ Авганистанѣ. У него было всегда наготовѣ до 10,000 человекъ кавалеріи и 14 артиллерійскихъ орудій, расположенныхъ въ самомъ городѣ. Кромѣ того, горы составляли природное укрѣпленіе его небольшихъ владѣній, а положеніе въ центрѣ Авганистана и личное вліяніе Достъ-Мухаммета невольно ставили его въ главѣ этой страны. Мы выпишемъ объ немъ мнѣніе Англичанина; согласитесь , что тутъ уже никакого пристрастія быть не